

«ДЕРЖАВА РЮРИКОВИЧЕЙ»

Проф. С. В. Бахрушин

Одной из очередных проблем, привлекающих за последнее время внимание советской исторической науки, является проблема генезиса феодализма в древней Руси. По справедливому замечанию Б. Д. Грекова, «без решения этой задачи нельзя построить правильного представления о русском историческом процессе в целом»¹. При изучении истории зарождения феодальных отношений в Киевской Руси должно было неизбежно поставить на очередь вопрос о социальном политическом строе «державы Рюриковичей», как Маркс называл этот период в истории Восточной Европы, охватывающий двухсотлетний промежуток времени от середины IX в. до середины XI века. В «Secret diplomatic history of the XVIII century»² Маркс дал блестящую и тонкую концепцию этого периода, который он называл «готическим» (т. е. варварским). Набросанная широкими и яркими чертами картина «империи Рюриковичей», при всей своей краткости, включает в себе ряд тонких мыслей, намечает разрешение сложнейших научных задач. Естественно, что исследователь, работающий над историей генезиса феодализма, не может пройти мимо этих брошенных мельком, но полных глубокого содержания суждений, не может не попытаться понять и истолковать гениальные намеки, разбросанные на страницах названного сочинения. Невольно исследователи вносят в понимание концепции Маркса много своего, субъективного. Неудивительно поэтому, что вокруг сжатых и отшлифованных фраз «Секретной дипломатической истории» разгорались горячие прения и дискуссии, как мы это видели на пленуме ГАИМК в апреле 1933 г. в Ленинграде и на пленуме МОГАИМК в октябре 1934 г. в Москве³.

Трудность поставленного вопроса в значительной степени обусловливается скудостью наших источников. В основу изучения истории державы Рюриковичей приходится класть повесть о первых князьях, вошедшую в Начальный летописный свод⁴. Повесть эта дошла до нас в двух редак-

¹ Б. Д. Греков—Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1935, стр. 3.

² Издано в Лондоне, в 1899 г.

³ С. В. Бахрушин—Некоторые вопросы истории Киевской Руси, «Историк-марксист», 1937, № 3.

⁴ Я не касаюсь вопроса о том, имеем ли мы дело с самостоятельной повестью, существовавшей первоначально независимо от Свода, или с органической частью Свода, как думал А. А. Шахматов.

циях: в Новгородском своде (Новгородская первая летопись) мы имеем более архаический текст, хотя и подвергшийся некоторым изменениям благодаря вставкам, легко, впрочем, поддающимся выделению. В Киевском своде (Лаврентьевская летопись) та же повесть сохранилась уже в значительно переработанном виде, с обширными позднейшими дополнениями, поправками и перегруппировкой материала. Даже древнейшая редакция повести не может быть отнесена ко времени раньше первой половины XI в. (княжение Ярослава), т. е. на 100—200 лет позже описываемых событий. К тому же повесть далеко не представляет собою простодушного пересказа преданий; в ней проводится определенная политическая тенденция, имеющая целью возвеличение династии Владимира Святославича, и этой тенденции подчинено все изложение. Единственный современный источник на древнерусском языке, дошедший до нас, — договоры Олега, Игоря и Святослава с греками, — далеко не подтверждает сообщений летописной повести и часто им противоречит, но по самой своей задаче такого рода источники не дают ни достаточно полной картины социальных отношений в Приднестровье X в., ни, тем более, фактической истории Восточной Европы в эту эпоху. Дополнением к местным источникам служат иностранные источники, которые, однако, сообщают крайне односторонние сведения о Восточной Европе. Греческие хроники ограничиваются описанием набегов Руси на Константинополь и на берега Черного моря. Только Константин Багрянородный пытается обрисовать внутренний строй Приднестровья — полюдь, торговые поездки Руси в Грецию, взаимные отношения между Русью и славянскими племенами. Известия арабских писателей с трудом поддаются вполне точному истолкованию вследствие компилятивного характера многих из них и в силу особенностей арабской транскрипции имен.

В настоящее время делаются попытки привлечения археологического материала для разрешения поставленной проблемы, и параллельное изучение письменных и археологических памятников обещает открыть новые и интересные перспективы. Однако главная масса археологических данных, которыми оперировала до сих пор историческая наука в этом вопросе, почти не идет глубже конца X в.¹ С другой стороны, в трактовке археологического материала возможна очень большая субъективность. Так, известный шведский археолог Арне² построил на нем в высшей степени тенденциозный вывод о сильном проникновении скандинавского элемента в Восточную Европу, вывод, который противоречит всем объективным данным и справедливо опровергается советской археологической наукой.

Первый вопрос, который приходится разрешать на основании скудного и требующего большой критической проверки материала, это вопрос об общественном строе славян в IX—X вв., в момент появления среди них варягов. Еще недавно некоторые выдающиеся специалисты по истории Киевской Руси склонны были считать, что уже тогда у славян господствовали феодальные отношения. В настоящее время среди большинства советских ученых нет, повидимому, разногласия относительно того, что в изучаемую эпоху мы имеем у приднестровских славян разложение родовой общины, которую сменила территориальная община типа «марки», как ее определяет Энгельс. В законодательстве второй половины XI в. уже нет намеков на общинное владение пашней, но наряду с бортьями, находив-

¹ См. сводку археологических данных у Б. Д. Грекова — Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1936, стр. 44—47.

² T. Arne — La Suède et l'Orient, Upsal, 1914.

шимися в частном владении, есть указание на общинные бортные угодья¹; Б. Д. Греков полагает, со своей стороны, что «луга, повидимому, находятся еще в общем пользовании»². Обычно считают, что «вервь» «Русской Правды» и соответствует понятию марки. Еще более сложным является вопрос о том, существовали ли государственные объединения на территории, занятой восточными славянами, до образования «империи Рюриковичей». Некоторые исследователи склонны считать государствами те племенные княжества, которые сложились у полян и у ильменских славян, повидимому, в довольно раннюю эпоху. Эта точка зрения имеет за собою длинную традицию. Синописис XVII в. проводил такую мысль в отношении полян, а другое такого же типа историческое произведение конца XVII—начала XVIII в., так называемая Иоакимовская летопись,—в отношении славян новгородских³. Однако то немногое, что нам известно о восточнославянских княжествах в IX в., не позволяет нам делать таких категорических выводов. Летопись XI в. помнит лишь, что у каждого славянского племени в старину было свое «княженъе»⁴. Такое княжение было и у полян, но о полянской княжеской династии в летописи имеются только необоснованные догадки, которые, строго говоря, нельзя даже относить к легендам. Имена полянских князей сочинены искусственно, в результате наивной попытки осмыслить названия географических урочищ: Кий получил свое имя по названию города Киева, а не наоборот, как это хочет показать летопись; Щек—от горы «иде же ныне зовется Щековица»; Хорив—от горы, которая будто бы «от него же прозвася Хоровица»; даже сестре трех князей-эпонимов было присвоено имя от речки Лыбеди. Сводчик, внесший все эти имена в летопись, сам вскрыл те наивные «научные» приемы, посредством которых создавались подобные исторические концепции. Оказывается, версия, которую он принял, не была единственной в современной ему литературе. Другие авторы, «не сведущие», толковали название города Киева от имени одного «перевозника»: «у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев»⁵. Эта версия, по существу, ничем не лучше и не хуже той, которая попала в летопись и благодаря этому была галализирована в позднейшей исторической литературе. О новгородских князьях в древнейших летописях вообще ничего неизвестно, и имя Гостомысла появляется лишь в поздних списках.

Итак, мифические имена древних славянских князей едва ли могут служить достаточным основанием для утверждения существования у полян и новгородцев государственной организации уже в IX в. Летописный рассказ показывает лишь, что в XI в., еще смутно помнили о существовании своих князей, от которых не сохранились даже имена. Более точные сведения мы имеем о племенных князьях у древлян в X в. Легенда помнит о местных древлянских князьях, которые «распасли суть Деревьску землю»⁶. Но и

¹ Это явствует из сопоставления 83-й статьи карамзинского списка «Русской Правды», говорящей о меже бортной и имеющей, следовательно, в виду частновладельческую борть, со статьей 82-й, запрещающей уничтожать знамя на бортном древе, очевидно, в общинном лесу.

² Б. Д. Греков—Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1935, стр. 21. Там же автор дает всестороннюю характеристику пережитков общины-марки в XI—XII вв. по «Русской Правде» (стр. 22—25).

³ Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-е, Археограф. ком. СПб, 1897, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 8—9.

⁵ Синописис, СПб, 1746, стр. 18—21. Иоакимовская летопись напечатана В. Н. Татищевым в его «Истории Российской», СПб, 1768, т. I, ч. I, стр. 29—50.

⁶ Там же, стр. 54.

тут может быть речь лишь о племенных князьях-предводителях, а не о древлянском государстве. В Древлянской земле упоминается несколько князей, среди которых Мал был только главным. Это скорее «патриархальные главы племени»¹, «старейшины», как их в одном случае называет летопись², чем правители государства. По сравнению с киевским князем, который «аки волк восхищая и грабя», древлянские князья «добри суть», т. е. племя не испытывало с их стороны той тяжелой эксплуатации, которой оно подвергалось со стороны киевского князя; дело ограничивалось, вероятно, «почетными приношениями», о которых пишет Энгельс³.

Все это соответствует «высшей ступени варварства», но не более. Племенное княжество, несомненно, таило в себе зародыш будущей государственной организации, но для данной эпохи отождествлять его с государством, даже примитивным, конечно, еще нельзя.

Летопись XI в. представляет дело так, что государство у восточных славян возникло в результате призвания варягов из Скандинавии. Такая концепция была нужна придворным киевским историкам, чтобы, во-первых, возвысить княжескую династию над народной массой, выделив ее из общего состава населения, и, во-вторых, доказать законность княжеской власти, созданной не путем принуждения и насилия, а вследствие добровольного призвания предка княжеского дома. Эта тенденциозная заостренность рассказа о «призвании» первых князей оказала большое воздействие на дворянскую и буржуазную историографию XVIII и XIX вв. Образование «государства Российского» выводилось именно из факта призвания Рюрика, Синеуса и Трувора. В 1862 г. в память тысячелетия Русского государства был даже воздвигнут в Новгороде довольно безвкусный памятник. Более научный критический подход к летописному рассказу позволил рассеять эту литературную легенду и выяснить ее источники. Зачатки государственного строя, как мы увидим, следует искать не в дружинах скандинавских искателей приключений, а в славянских племенных княжествах. Варяжские конунги лишь возглавили тот процесс, который шел внутри славянских обществ Восточной Европы.

На территорию Восточной Европы варягов привлекли возможности грабежа и торговли. То и другое тесно переплеталось между собой: в одном месте торговали, в другом грабили, в третьем продавали награбленное. Этот разбойничий характер варяжской торговли хорошо отражен в известной саге о Торварде Собаке: участники экспедиции в Биармию сговариваются, что каждый получает в свою пользу прибыль от проданных им товаров, добыча идет в общий дележ; в устье Двины они днем меняют сукно на пушнину, а ночью совершают грабительский набег на соседнее святилище. Торговые поездки сопровождались захватом пленников. Арабские источники говорят о набегах на славян руссов, т. е. скандинавов, которые «подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там»⁴. Отдельные конунги со своими дружинами захватывали наиболее важные пункты на речных путях, прорезывавших территорию восточных славян. Достаточно взглянуть на карту варяжских «княжеств», чтобы убедиться, что такова первоначальная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс—Немецкая идеология, 1934, стр. 12.

² Лаврентьевская летопись, стр. 58.

³ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 188.

⁴ А. А. Шахматов—Древнейшие судьбы русского племени, II, 1919, стр. 54—55.

цель норманских захватов в славянских землях. Один из таких искателей приключений Рёрек утвердился сперва в Ладоге, а позже у истоков Волхова из Ильменя, в Новгороде, который служил ключом с севера к Днепровскому пути, ведущему «из варяг в греки»; на другом варианте пути из Балтийского моря на Днепр,—в Полоцке, на Западной Двине, в X в. находилось княжество Рёгнвальда. Конунг Торвард (Трувор), предполагаемый брат Рюрика, по преданию, утвердился в Изборске, близ Чудского озера, откуда Нарвою шел путь в Финский залив. Другие предводители варяжских дружин в лице Аскольда и Дира завладели Киевом в земле полян, который являлся конечной станцией на пути «из варяг в греки», ключом к нему с юга. На Белоозере, через которое проходил путь из Финского залива на Волгу, княжил, согласно легенде, Синиут (Синеус), которого, подобно Торварду, литературная легенда называла братом Рёрека¹.

В зависимости от обстоятельств конунги вступали в различные отношения к туземному населению. Славянские племена могли в отдельных случаях и добровольно подчиниться той или иной шайке завоевателей, поскольку присутствие ее гарантировало им безопасность от набегов и грабежей со стороны других подобных же разбойников. Такова реальная основа легенды о «призвании» варягов. Если между пришельцами и туземцами не достигалось соглашение, то варяги «примучивали» непокорных, насильно собирая с них дань пушниной и другими продуктами хозяйства, которые затем направлялись в Константинополь и на приволжские рынки для обмена на предметы роскоши. Дело шло исключительно о том, чтобы выкачивать из населения потребные для торговли товары. Так возникли небольшие варяжские «княжества» на территории славянских племен. Княжества эти сохраняли тот военно-разбойничий характер, какой носила вся торговля варягов. В течение зимнего сезона князь с дружиной обходил подвластные племена для сбора дани скотом, медом и другими продуктами туземных промыслов (полюдь). Никакой нормы в этих сборах не было: брали, сколько могли. Если требования превышали благоразумие, то плательщики восставали и избивали сборщиков дани, как это случилось с Игорем и его дружиной. Весною собранная за зиму дань грузилась на однодеревки и сплавлялась вниз по Днепру в Константинополь². Чтобы избежать полюдья и связанных с ним «насилий» и требования кормов, ближайшее к занятому варягами городку население предпочитало само «возить повоз», т. е. приходить в город с данью³. Вся эта система эксплуатации славянских племен варягами напоминает даже в деталях сбор ясака с сибирских народов вооруженными отрядами московских ясатчиков или калмыцких и монгольских алманчиков и отнюдь не отражалась на внутреннем строе славянских племен, которые попрежнему продолжали управляться племенными князьками и старейшинами. Это и имеет в виду Маркс, когда говорит о «примитивной организации» норманских завоеваний. Несомненно, что поверхностный характер завоевания был обусловлен тем, что на месте у славян процесс феодализации еще только начинался, и варяги не нашли у них условий, которые позволили бы им осуществить более интенсивную эксплуатацию страны путем захвата земель и закреп-

¹ Скандинавские имена князей см. В. Т о м с е н—Начало Русского государства, М., 1891, приложение.

² «Известия византийских писателей о Северном Черноморье», вып. 1, стр. 10 («Известия ГАИМК», вып. 31, М.—Л., 1934); Лаврентьевская летопись, стр. 53—54.

³ Лаврентьевская летопись, стр. 82.

пощения жителей, как это произошло в Северо-западной Франции, на территории, захваченной норманнами.

Между отдельными искателями приключений шла непрерывная борьба за дань и за обладание наиболее выгодными пунктами на Днепровском пути. Память об этом сохранила легенда о захвате Киева Олегом. Но, с другой стороны, варяжские дружины объединялись неоднократно, чтобы совместно с славянами производить набеги за пределы славянских земель, для грабежа богатых стран Черноморья и Востока. Для военных походов на Черное море и Каспий необходимо было концентрировать в какой-то мере власть в руках одного предводителя—«великого князя», которому подчинялись прочие «светлые князья». Впервые с таким «великим князем» мы встречаемся в начале X в. в лице Олега. Его посольство в Константинополе в 911 г. выступает официально «от Олега, великого князя русского и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр»¹. Позже, в 945 г., новый договор заключен от имени «Игоря, великого князя русского, и от всякого князья и от всех людей Руския земли»².

Эта концентрация власти произошла не сразу и не без ожесточенной борьбы, отзвук которой мы находим в легенде о завоевании Владимиром Святославичем Полоцкого княжества, обеспечившем ему господство на Двинском пути в Балтийское море. Победительницей в этой борьбе оказалась та княжеская династия, которая сумела сосредоточить в своих руках оба конечных пункта пути «из варяг в греки»—Новгород и Киев. Легенда хорошо уловила смысл этого факта, когда поставила в связи с захватом «матери градам руським» Киева Олегом объединение под его властью Руси: «И седе Олег, княжа, в Киеве... И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася Русью»³. Договоры не подтверждают непосредственной преемственности Руси Олега и Руси Игоря, но и последний был «великим князем руским» и держал под рукою все прочее мелкое «княжье», потому что сам он княжил в Киеве, а в Новгороде сидел его сын Святослав⁴.

Первоначально «светлые и великие князья», находившиеся «под рукою» великого князя, сохраняли известную долю независимости, которая выражалась, между прочим, в попытке самостоятельных послов, наравне с великокняжескими, в Константинополь для заключения договора. «Великий князь» выступает потому с чертами главы большой коалиции, в состав которой входят, кроме варяжских, и славянские князьки⁵.

Только в договоре Святослава 971 г. отсутствует упоминание о его васалах (за исключением Свенелда), и это свидетельствует о том, что к этому времени процесс объединения завершился, и мелкие князья были либо истреблены, либо сошли на положение «посадников» «великого князя». Быстрый успех киевских князей обуславливался в значительной мере тем, что среди славянских племен наблюдалось очень сильное стремление к объединению. Особенно яркое выражение это стремление находит себе в летописном рассказе об Ярославле: потерпев поражение и прогнанный из Киева, он готовился бежать за море, но новгородцы «рассекоша лодье Ярославле, рекуще: хотим ся и еще бити с Болеславом и с Святополком», и собрали средства, необходимые для продолжения борьбы за Киев.

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 39.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 23.

⁴ «Известия византийских писателей», вып. 1, стр. 8.

⁵ Среди князей, перечисленных в договоре 945 г., есть два несомненно славянских имени: Владислав и Предслава.

Так сложилась «держава Рюриковичей».

«Несообразная, нескладная и скороспелая», она была собрана, по выражению Маркса, «из лоскутков, подобно другим империям аналогичного происхождения». В ней не было этнического единства. В ее состав входили разнообразные племена, впоследствии обособившиеся в отдельные народности. «Империя Рюриковичей», — говорит Маркс, — явилась предшественницей образования Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и самой Московии». В этом-то и заключалось ее сходство с империей Карла Великого, которая тоже «предшествовала образованию нынешней Франции, Германии и Италии». В момент образования «державы Рюриковичей» это было в сущности искусственное объединение разнородных этнических элементов, которое при отсутствии у них экономических связей, держалось исключительно силой оружия.

«Держава Рюриковичей» основывалась не на интенсивной феодальной эксплуатации населения, а лишь на сборе дани с покоренных племен. В стране, где господствовали еще общинные порядки, хотя и находившиеся в состоянии разложения, иначе и не могло быть. Отсутствие развитого феодального землевладения в Приднепровье и Приильменье и явилось причиной того, что эксплуатация славянских племен завоевателями приняла крайне примитивную экстенсивную форму. Отсюда «примитивная организация завоеваний», о которой говорит Маркс: «вассальная зависимость без ленов и лены, состоящие из дани». Мы не видим в IX в. и в первой половине X в. признаков княжеского землевладения. Летопись приписывает захват земель впервые княгине Ольге, в результате ее побед над древлянами. На первом плане тут стоит освоение охотничьих и бортных угодий — «ловищ» и «знамений»¹. Село Ольжичи, якобы принадлежавшее Ольге, более чем сомнительно; это часто встречающийся случай попытки осмысления географического названия. Основной формой эксплуатации населения была дань, и только дань. Это очень наглядно видно из рассказа о полюдье Игоря. Совершенно конкретно это вытекает и из сообщения Константина Багрянородного, который говорит, что русские князья каждую осень пускаются в полюдье в земли славян, «платящих дань русам» и прокармливаются там в течение всей зимы². Точно так же мы не видим, чтобы служба в княжеской дружине сочеталась с владением землей на ленном или ином праве. Это в полном смысле слова «вассалитет без ленов». Служба дружинников вознаграждалась исключительно участием в сборе дани. В одних случаях мы имеем дело с передачей сбора дани с того или иного племени отдельно вассалу. Так, по легенде, Игорь «дать же дань Деревьскую Свенелду и имаше по черне куне с дыма». Точно так же, «примучив» угличей, он «возложи на ня дань и власть Свенелду»³. Это дает повод остальной дружине жаловаться: «се дал еси единому мужеву много». Эпизод с Свенелдом объясняет, как надо понимать термин «посадник», и вскрывает смысл позднейшего рассказа летописи о том, что Рюрик «раздая мужем своим грады»⁴. Более мелкие дружинники непосредственно участвовали в княжеском полюдье, и князь должен был делиться с ними добычей. Поэтому дружинники Игоря, жалуюсь, что они «наги», настаивали на отправлении в полюдье: «а поиде, княже, с нами на дань, а ты

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 58—59.

² «Известия византийских писателей», вып. 1, стр. 10.

³ Новгородская летопись по Синодальному списку, изд. Археолог. ком., Спб, 1888.

⁴ Лаврентьевская летопись, стр. 19.

добудиши и мы»¹. Ярослав из дани, получаемой с новгородцев, 1 000 гривен раздавал «гридям»². Эти примеры поясняют нам выражение Маркса: «феоды, состоящие из дани».

Итак, не освоение земли, а грабеж населения в виде дани является основной задачей военной организации, возглавляемой киевскими князьями. При невозможности интенсивно эксплуатировать покоренное население, необходимо было непрерывно увеличивать число данщиков, расширять территорию, облагаемую данью. Можно сказать словами Энгельса, что «война... ведется теперь только ради грабежа, становится промыслом»³. «Необходимость новых завоеваний,—говорит Маркс,—поддерживалась наплывом новых авантюристов, жаждавших славы и добычи. Когда у князей являлось желание отдохнуть, дружина заставляла их двигаться дальше».

Говорить о прочной государственной организации в эту эпоху еще трудно. Нет даже государственной территории в полном смысле этого слова. Покоренные племена отпадают при первой возможности, и приходится их покорять сызнова. Если верить летописи, древляне были покорены уже Олегом; вторично их покоряет Игорь, но при нем же они восстают и не только избавляются от киевской дани, но и угрожают Киеву; в третий раз их покоряет вдова Игоря, Ольга, и с этого времени только Древлянская земля прочно входит в состав Киевского государства. Владимир должен был дважды совершать поход в землю вятичей, уже покоренную в свое время его отцом Святославом, и т. д. Каждый новый князь начинал свое правление с того, что приводил опять в подчинение племена, входившие при его предшественниках в состав державы. Походы на Византию, Дунайскую Болгарию, Малую Азию, Крым, Поволжье, Каспий носят характер простых набегов и не приводят даже на короткое время к установлению власти киевских князей над подвергшимися разорению странами.

Вместе с тем у киевских князей, вечно стремящихся к новым завоеваниям, еще нет прочной связи с Приднепровьем. Типичным представителем этих князей-завоевателей является Святослав, который «легко ходя, аки пардус, войны многи творяше», настоящий вождь бродячей дружины постоянно ищущий добычи и славы. Для такого князя-завоевателя Приднепровье, по меткому выражению Маркса, было лишь временной «стоянкой, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге». «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив»,—говорят Святославу киевляне⁴. Только успехи Цимисхия, положившие предел дальнейшему распространению «державы Рюриковичей», останавливают это неудержимое стремление вперед киевских князей. «Рюриковичи,—говорит Маркс,—окончательно утвердили свое господство в России, вынужденные к этому сопротивлением Византии при Цимисхии».

Откинутые в Приднепровье, киевские князья должны были отказаться от широких завоевательных планов. Сыновья Святослава уже пытаются опереться на местные социальные силы.

В то время как князья и их сборные дружины искали новых земель, «своя охабив», в славянских землях шли глубокие внутренние процессы, подготавливавшие переход к феодализму. К этому моменту варяжские эле-

¹ Новгородская летопись, стр. 8—9.

² Там же, стр. 75.

³ Ф. Э н г е л ь с—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 217.

⁴ Лаврентьевская летопись, стр. 65.

менты княжеских дружин уже окончательно потонули в массе восточного славянства. Ославянившиеся потомки Рюрика оседали постепенно в Приднепровье. Сыновья Святослава возглавляют отдельные славянские племена: Ярополк вокняжился в земле полян, Олег — в земле древлян; Владимира, славянина по происхождению, сына Святослава от наложницы, новгородская знать посадила князем в Новгороде. Древлянская земля после гибели Олега вошла очень скоро опять в состав Киевского княжества, но попытка Ярополка вновь объединить всю страну под властью Киева встретила сильное сопротивление со стороны новгородцев. При их поддержке Владимир сам овладел Киевом и вновь собрал под своей властью и Приильменье и все Приднепровье, за исключением, может быть, Северянской земли¹. Подобно отцу своему Святославу, Владимир много воевал: «Радимици победи и дань на них положи, вятичи победи и дань на них положи на обоих, и ятвягы взя, и сребренныя болгары победи и на козары шед победи»². Благоприятная международная ситуация позволила ему возобновить широкую завоевательную политику на юге. Вмешательство во внутренние дела Византии открывало доступ его войскам на Босфор; его замыслы направились на Черноморье: «умысли же на греческий град Корсунь». При Владимире «держава Рюриковичей» достигла своего «кульминационного пункта». Но в Приднепровье уже складывались новые условия, которые подготавливали переход в феодальный строй. Внутри славянского общества происходили глубокие изменения, шел процесс выделения из славянской общины класса крупных землевладельцев, «старейшин града» или «старцев градских», потомков «добрых» племенных князей, некогда боровшихся против насилий киевских князей. С этим зарождавшимся землевладельческим классом князьям приходилось считаться. Владимир окружал себя «старцами градскими», считался с их мнением; «старцы градские» фигурируют рядом с дружинниками и в качестве советников князя и в качестве его сотрапезников³. Это свидетельствует о том, что сила киевского князя теперь основывалась не только на его дружине, но и на местных землевладельческих кругах.

В отличие от своего отца, вечно стремившегося туда, «где вся благая сходятся», Владимир уже подлинный киевский князь, тесно связанный с территорией Приднепровья и с феодализирующимися группами местного населения. При нем «держава Рюриковичей» приобретает черты более организованного государства. Владимир думает со своей дружиной не только «о ратех», но и о «строи землянем» и об «уставе землянем»⁴.

Большое внимание уделяет Владимир укреплению границ своего государства со стороны степи. Он «нача ставити города по Десне и по Востри и по Трубежеви и по Суле и по Стугне», создал своего рода засечную черту — вал, защищенный частоколом; заселил пограничную полосу «лучшими» мужиками, «бе бо рать от печенег»⁵. Эту систему обороны границ продолжал и развил его сын Ярослав. Усиление княжеской власти подчеркивает титул кагана, заимствованный от хазар. Очевидно, начавший складываться среди восточного славянства землевладельческий класс уже испытывал

¹ Согласно интересной гипотезе проф. Пархоменко в одной из его неизданных работ.

² «Похвала князю Владимиру Иакова мниха» (Е. Г о л у б и н с к и й — История церкви, М., 1880, т. I, ч. I стр. 213).

³ Лаврентьевская летопись, стр. 104, 122.

⁴ Там же, стр. 124.

⁵ Там же, стр. 119.

потребность в сравнительно сильной государственной власти, способной защищать его классовые интересы. Не случайно к эпохе Владимира относится и создание единой государственной религии. Первой попыткой в этом направлении было устройство общеславянского святилища близ княжеского теремного двора, где бок о бок стояли и общеславянский бог-громовик Перун, отождествленный со скандинавским Тором, и конкурировавшие между собой солнечные божества Хорс и Дажьбог, и бог ветров Стрибог, и какие-то женские божества. Решительным моментом было принятие из феодальной Византии христианства, которое способствовало ускорению процесса феодализации и строительства феодального государства. Греческое духовенство поспешило перенести на главу Киевского государства византийское представление об императорской власти. Оно же явилось проводником в Приднепровье юридических норм римского права, переработанного для нужд феодального общества Византии. Это внедрение в жизнь приднепровского общества феодального права, знаменовавшее определенный этап в развитии государства, шло, однако, медленно, встречая упорную оппозицию в пережитках родовых обычаев. Известный летописный рассказ о попытке епископов добиться замены смертной казнью виры за убийство хорошо показывает, на какие компромиссы в отношении «устроения отъня и дедня» должно было идти византийское правовое сознание¹. Даже «Суд Ярославов» в его древнейшей редакции сохранял первоначально для славянского населения родовую месть и вводил головщину в пользу князя лишь для княжеской дружины и других лиц княжеского «*mundeburdum*»².

Таким образом, феодализация государственной власти происходила медленно и постепенно, и в лице Владимира, как тонко отметил Маркс, «теократический деспотизм порфиородных» еще сочетался с чертами, характерными для «северного завоевателя».

После Ярослава «держава Рюриковичей» «распадается на уделы, распределяется и подразделяется на части между потомками завоевателей, раздирается на части феодальными войнами, разбивается вторжением чужеземных народов». Со смертью Ярослава наступает феодальный период, характеризующийся политическим раздроблением страны. Это не значит, конечно, что возникшее еще в дофеодальный период Киевское государство перестает существовать. Несмотря на наступившую во второй половине XI в. феодальную раздробленность, понятие единства Русской земли выступает, может быть, еще с большей силой, чем во времена Игоря. Это понятие с исключительной яркостью и пафосом находит выражение в произведении, возникшем в самый разгар феодальных междоусобиц, в «Слове о полку Игореве». Оно проходит красной нитью через летописный свод XI—XII вв., ставящий себе целью разрешить вопрос, «откуда есть пошла Руская земля... и Руская земля стала есть». В политической жизни единство Русской земли осуществлялось между княжескими «снемами» и номинальным верховенством великого князя киевского, который «думает-гадает о земле Русской».

Попытаюсь подвести итоги. «Держава Рюриковичей» не есть еще феодальное государство, как одно время высказывались в нашей литературе. В замечаниях товарищей Сталина, Кирова, Жданова по конспекту учебника истории СССР совершенно отчетливо указывается, что

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 124.

² «Русская Правда» по Академическому списку, ст. 1-я.

не следует смешивать «в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены». Поскольку в изучаемую эпоху мы не имеем еще закрепощенного крестьянина, и князю с его дружиной противостоит вольный общинник, облагаемый данью, мы, конечно, не вправе еще говорить о феодализме. С другой стороны, родовые пережитки, наблюдаемые в быту восточного славянства вплоть до XI в., еще не позволяют характеризовать господствовавший в IX—X вв. в Приднестровье строй, как родовой. Род уже распался на большие семьи, и процесс социального расчленения общины пошел очень далеко.

Характеристика «державы Рюриковичей», как она дана выше, мне кажется, дает основание видеть в ней «военную демократию», при которой «война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни»¹.

«Главный отличительный признак» киевского князя—«военное предводительство», как это было и у греческих царей героической эпохи². Силу его составляет дружина, живущая войной и для войны³. «Держава Рюриковичей» стоит, таким образом, на переломе между высшей ступенью варварства и цивилизацией, является переходным периодом между родовым строем и феодальным.

Условия, способствовавшие переходу к феодализму, следует, однако, искать в первую очередь не в завоеваниях князей и их дружин, а в тех органических процессах, которые происходят внутри славянского общества по мере того, как на развалинах общины вырастает феодальная собственность на землю.

К концу X в. процесс феодализации уже делает некоторые успехи, и в княжестве Владимира мы уже можем наблюдать некоторые элементы зарождающегося феодального государства, причудливо переплетающиеся с остатками отмирающей военной демократии.

¹ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 216.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 189—190.